

УДК 323.1(470+571)
ББК 66.3(2Рос)5
Н 31

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда Дмитрия Зимина «Династия»*

Н 31 Наследие империй и будущее России /Под ред.
А.И. Миллера. — М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое
литературное обозрение, 2008. — 528 с.

Наследие империй в названии книги — это наследие империи Романовых и СССР. Какие проблемы создает оно для современного развития страны? В чем оказывается полезным? Какая нация может сложиться в России? Или она уже есть? Обязательно ли быть империей, чтобы слыть великой державой? И что вообще значит великая держава? Политологи, социологи, специалист по международным отношениям, этнолог и историк рассматривают эти вопросы в своих статьях, посвященных различным аспектам внутренней и внешней политики России, анализу идеологий и массового сознания, региональным аспектам российской политики, языковой ситуации и миграциям на постсоветском пространстве.

УДК 323.1(470+571)
ББК 66.3(2Рос)5

ISBN 978-5-86793-631-0

© Фонд «Либеральная миссия», 2008
© Новое литературное обозрение.
Художественное оформление, 2008

А.И. Миллер,

*ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор исторических наук,
профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт)*

НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ: ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Слово «империя» сегодня звучит очень часто при обсуждении прошлого России, ее текущих проблем и будущего. Одни обозначают современное состояние России как «после империи», другие говорят об «имперских парадигмах», из которых России не вырваться, третьи — о руинах империи, на которых приходится строить новую Россию, а кто-то рассуждает о том, как и какую империю России следует построить в будущем. Империю прославляют (кто-то Российскую, кто-то советскую, а кто-то обе), империю объявляют источником всех зол и бед. Слишком часто эти рассуждения, проимперские или антиимперские, строятся, так сказать, «с высоты орлиного полета», когда авторов уносит поток вдохновения, когда каждый вкладывает в понятие «империя» свой особый, как правило упрощающий, смысл, когда мелкими и неважными кажутся детали и подробности.

Когда мы говорим о наследии империи в современной России, о том, как оно влияет на будущее нашей страны, важно, во-первых, провести своеобразную инвентаризацию, понять, где, в каких сферах жизни мы сталкиваемся с институтами, социальными структурами и процессами, с мыслительными привычками и стереотипами, устойчивыми элементами идентичности, унаследованными от империй. Во-вторых, важно понять, что из этого наследия является, так сказать, «уходящей

натурой», то есть постепенно оставляется в прошлом самим ходом жизни; что представляет собой устойчивую проблему, которую надо целенаправленно решать; какие элементы этого наследия можно расценить как «скрытую угрозу», на которую не было обращено должного внимания и которая не обсуждалась. Важно иметь в виду, что наследие империй не только бремя, но, в определенных случаях, и ресурс, которым можно умело воспользоваться во благо будущего развития.

Какого развития? Авторы этой книги придерживаются разных политических убеждений. Но есть ряд позиций, которые объединяют всех членов авторского коллектива. Во-первых, все мы считаем, что современную Россию в территориальном смысле следует воспринимать как устойчивое явление и планы обустройства страны должны быть основаны именно на этом постулате. Во-вторых, мы исходим из того, что направлением политического развития должна быть демократизация, обеспечение личных и гражданских свобод, развитие взаимообязывающих отношений обсуждения и согласования интересов между государством и общественными силами. В социокультурном смысле мы должны стремиться к модернизации, в том числе к повышению уровня доверия в обществе, формированию прочных социальных сетей и воспитанию таких граждан, которые могут ответственно пользоваться свободами и отстаивать демократический путь развития. Всех авторов объединяет критическое отношение к мобилизационным сценариям развития, основанным на идее осажденной крепости или планах как угодно обосновываемой силовой территориальной экспансии, — страна должна быть открытой и стремиться к устойчивому экономическому росту как средству обеспечения достойной жизни своих граждан.

В этой книге читатель не найдет или почти не найдет попыток дать определение понятия «империя», потому что знакомство с весьма обширной литературой на эту

тему говорит о том, что никакого общепринятого определения не существует и оно вряд ли возможно. В тех случаях, когда авторы обращаются к обсуждению феномена империи, они делают это для того, чтобы показать его сложность и оспорить односторонние, упрощающие трактовки. В книге нет или почти нет общих историко-философских рассуждений, которые являются скорее предметом веры, чем критического анализа. Задача книги — предложить несколько более «приземленный», конкретный взгляд на роль наследия империй в жизни современной России (я пишу об империях во множественном числе, потому что считаю Российскую империю и СССР разными феноменами¹).

Историк, этнолог, специалист по международным отношениям, социологи и политологи написали для этой книги статьи о тех проблемах современной России, которые являются предметом их многолетних специальных исследований и так или иначе связаны с наследием империй. Авторы старались провести четкую границу между решением аналитических задач, что и было их основной целью, и прогнозами, рекомендациями, которые порой у разных авторов совпадают, а порой существенно различаются. Для нас важно пригласить читателя к взвешенному размышлению о том, как наследие империй присутствует в нашей жизни и что можно и нужно с этим делать.

Открывает сборник блок статей, посвященный сфере идеологии и общественного сознания: в моей статье рассмотрен профессиональный уровень изучения имперского прошлого историками и основные тенденции в «политике памяти», статья О. Малиновой анализирует идеологический уровень осмысления проблемы, статья Н. Тихоновой — уровень массового сознания. Предлагая читателю обзор современного состояния историко-

¹ Подробнее об этом см. мою статью «История империй и политика памяти» в настоящем сборнике.

графии Российской империи и СССР, которая за последние годы превратилась в одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений исторических исследований, я не ставил целью рассказать профанам *ex catedra*, «как оно было на самом деле». Задача заключалась в том, чтобы дать читателю путеводитель по весьма обширному кругу работ профессиональных историков, которые по большей части игнорируются в популярных у нас историософских сочинениях, где история слишком часто служит лишь средством для подтверждения того или иного политического тезиса. В статье показано, какие темы истории империй вызывают сегодня наиболее оживленные дебаты в профессиональной среде. Обсуждаю я и проблему исторической памяти, которая превратилась в поле поистине ожесточенных сражений как в самом российском обществе, так и в наших отношениях с соседями.

О. Малинова дает весьма полный обзор и анализ того идеологического репертуара, который связан с использованием понятия «империя» в современном российском дискурсе. Она структурирует его через ключевые идеологические оппозиции, получая в результате подробную карту этого дискурсивного поля. Понятие «империя» используется и как оппозиция понятию нацигосударства, и как оппозиция федерации, и как символ авторитарного способа интеграции общества в противовес демократии, и как символ «высшего смысла» существования в противовес «бессмысленности капиталистического потребления». Смысл, вкладываемый в понятие «империя» в разных идеологических конструкциях, существенно меняется.

Н. Тихонова, опираясь на большой, собранный в течение ряда лет массив социологических данных, анализирует эволюцию массового сознания, настроения и идентификации, которые, конечно, достаточно тесно связаны с идеологическим репертуаром, существующим

в обществе, но развиваются по своим законам. Взятые вместе, эти работы позволяют увидеть целостную картину восприятия империй нашего прошлого и их наследия в современной России.

В статье Н. Тихоновой сказано также, что представляется весьма важным, какой смысл вкладывают граждане России в понятие «великая держава» и насколько Россия, по их мнению, соответствует этому статусу. Связь понятий «империя» и «великая держава», безусловно, существует и в истории, и в идеологии¹, и в массовом сознании. Но сложный характер этой связи, равно как и сложная природа понятия «великая держава», не всегда вполне осознается даже экспертами. Поэтому особенно интересно, что на интуитивном уровне граждане России довольно точно нащупывают различия между империей и великой державой, а также между великой державой и сверхдержавой, какой был СССР в послевоенные годы. Во-первых, все опросы показывают, что понятие «великая держава» граждане связывают не столько с военной мощью, сколько с уровнем и качеством жизни, с формой экономической и политической организации общества. Во-вторых, подавляющее большинство опрошенных не желают возвращения России к роли одного из двух полюсов резко поляризованной системы, которую выполнял Советский Союз, а хотят видеть Россию *одной из* ведущих держав, имея в виду не только многополярность мира, но и структурное сходство России с другими ведущими странами. В этом плане часто заявляемое желание жить в «нормальной стране» означает не стремление отказаться от статуса великой державы, который большинству дорог,

¹ Ясно, что в тот период, когда это понятие сформировалось, великими державами были только империи. Однако, во-первых, уже тогда не все империи были великими державами (например, Испанская или Османская империи), а во-вторых, вопреки убеждению некоторых наших «трубадуров империи», сегодня, если сказать очень осторожно, совсем не обязательно быть империей, чтобы претендовать на статус великой державы.

но стремление к тому, чтобы наша великая держава была похожа на другие великие державы.

В той части, где речь идет об отношении россиян к понятию «великая держава», статья Н. Тихоновой служит мостиком к разделу, который обозначен как «Россия в мире». Заинтересованный читатель без труда найдет множество публикаций о геополитических аспектах этой темы, о текущих проблемах и стратегических вопросах внешней политики России. Мы же сосредоточились на недостаточно обсуждаемых сюжетах легитимации статуса «великой державы» и сложности самого содержания этого понятия. С точки зрения теории международных отношений эти проблемы обсуждает в своей статье норвежский ученый И. Нойманн. Он говорит о недостаточности критериев военной и экономической мощи для определения понятия «великая держава», которое возникло в европейском контексте XVIII–XIX веков. Важен также фактор интерсубъективности, то есть взаимное признание великими державами друг друга в этом статусе. В рамках этой перспективы очевидно, что положение Российской империи было не таким, как положение СССР. Российская империя была одной из ряда великих держав, участницей европейского концерта держав или того, что от этого концерта осталось к началу XX века. У Российской империи, как показывает И. Нойманн, с легитимацией статуса великой державы были серьезные проблемы, однако далеко не столь острые, как те, с которыми пришлось иметь дело СССР. Советский Союз в межвоенный период находился на положении парии и изгоя и заведомо не был великой державой. После Второй мировой войны СССР превратился в одну из двух сверхдержав и с точки зрения силовых критериев более чем соответствовал великодержавному статусу. Но СССР был системным элементом, только если воспринимать мир «холодной войны» как систему. Все прежние участники клуба великих держав, а также США как второй полюс силы оказались в про-

тивном лагере. СССР был заведомо чужим элементом, своеобразным альтернативным полюсом не только с точки зрения баланса сил, но и с точки зрения принципов организации власти, общества, экономики.

У читателя может возникнуть вопрос, в какой степени регулярно появлявшиеся проблемы с легитимацией статуса великой державы были следствием действительных отличий России с точки зрения качества власти и методов ее осуществления (о чем пишет Нойманн), а в какой – сознательной тактикой давления на Россию со стороны других держав (о чем он в данной статье не пишет). Полагаю, что оба фактора были и остаются важными. Не следует думать, что сосредоточенность в данной статье только на одном аспекте проблемы свидетельствует о непонимании И. Нойманном этого обстоятельства или о его тенденциозности. О дискурсивных практиках «отчуждения» России со стороны Запада никто, на мой взгляд, так хорошо до сих пор не писал, как сам Нойманн в своей более ранней работе, недавно переведенной на русский язык¹. Его суждения следует принять всерьез, потому что они отражают отнюдь не только «происки» недругов, но и реальные проблемы догоняющего развития, которые так характерны для России на протяжении последних трех веков.

Проблемы, обсуждаемые И. Нойманном, имеют самое прямое отношение к дискуссиям, которые интенсивно ведутся в современной России. Одна точка зрения, нередко поддерживаемая и эксплуатируемая в последнее время Кремлем, состоит в том, что Запад был неизменно враждебен России, считал ее чужой, боялся и хотел разрушить. Отсюда прямой путь к образу осажденной крепости, восприятию любой критики России как заведомо нечестной. Отсюда и восприятие самой России как обреченной на особый путь не в том смыс-

¹ См.: *Нойманн И.Б.* Использование другого. Восток в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2005.

ле, что он у каждой страны особый, но не отменяющий определенных общих черт и целей, а в том, что наши цели и ценности должны принципиально отличаться от целей и ценностей западных держав.

Другая точка зрения, которую, кстати, Кремль до сих пор открыто не отвергает, а иногда и провозглашает сам (сегодня, впрочем, реже, чем прежде), состоит в том, что Россия разделяет главные ценности Запада и стремится к сотрудничеству с ним, несмотря на то что политика Запада далеко не всегда свободна от предвзятости и эгоизма (а политика России разве не страдала и не страдает сегодня тем же самым?).

Как представляется, только на этом пути Россия сможет заново утвердиться в статусе великой державы. Большинство граждан России разделяет эту точку зрения. Данные, которые приводит Н. Тихонова, показывают, что оба советских варианта места нашей страны в мире (изгой и сверхдержава — осажденная крепость) не вызывают у граждан России сильной ностальгии. Подавляющее большинство склоняется к таким представлениям о месте России в мире, которые перекликаются с дореволюционной традицией, когда Россия была именно великой державой, и не только по силовым критериям — она стремилась сотрудничать с коллегами по «клубу», сблизиться с ними по качеству власти и общественной организации.

Но как будет развиваться в современной России этот важный сюжет поздней империи Романовых? Не подлежит сомнению, что тема суверенитета, напрямую связанная с понятием *imperium*, которое означало суверенную власть на той или иной территории, находит и будет находить живой отклик в российском обществе. Однако давно прошли времена, когда *imperium* безоговорочно принадлежал монарху. Последние десятилетия романовской России как раз и прошли под знаком политического кризиса, связанного с разным пониманием суверенитета и границ полномочий как со стороны

самодержавных царей, которые никак не хотели становиться конституционными монархами¹, так и со стороны самых разных общественных сил, дававших и демократические, и весьма радикальные ответы на вопрос о власти. Сможет ли новая Россия, заметно более близкая по характеристикам населения к нации-государству, чем к империи, решить задачу, которую не смогла решить поздняя имперская Россия и не пыталась решить Россия советская, — консолидировать демократию и не допустить, чтобы процесс укрепления государства был заменен превращением этого государства в гоббсовского левиафана?

А. Кустарев обсуждает другой весьма важный аспект проблемы суверенитета, а именно соотношение идеи независимости от внешних сил и необходимости найти новое место в мире для страны, которая переживает серьезные проблемы с идентичностью после развала империи и «понижения в ранге». Он показывает, что Россия далеко не первая бывшая метрополия, которая переживает кризис идентичности после расставания с империей. Количество схожих проблем и реакций у России, Франции и Британии оказывается просто поразительным. Осознание этого обстоятельства дает ценный терапевтический эффект, потому что многие проявления нашего постимперского синдрома перестают казаться уникальными. В то же время Кустарев не забывает указать на то, что у России есть и особые сложности, поскольку ей не удастся найти какую-то более мощную структуру, к которой она могла бы «прислониться», или равного по мощи подходящего партнера, чтобы такую структуру создать. (Китай вроде бы выполняет эту роль в Шанхайской организации сотрудничества, но вряд ли это та структура, которая может обеспечить

¹ Уже Александр I вел разговоры о конституции, осознавая, что самодержавный характер его власти мешает европейской легитимации России, тем не менее Николай II никак не мог смириться с необходимостью отказа от самодержавного принципа.

ключевые интересы России с ее ориентированной на Европу идентичностью.)

В отличие от Британии и Франции, которые были уже довольно устойчивыми демократиями к моменту развала их империй, Россия «вышла» из СССР, не имея демократических структур и навыков, прочно забыв даже те скромные достижения, которые у нее были в этой области до Первой мировой войны. Таким образом, можно констатировать уникально трудную для России ситуацию. Для посттоталитарных обществ до сих пор необходимым условием успеха при создании устойчивых демократических структур было наличие внешнего стабилизатора. Для Германии и Японии после Второй мировой войны это была американская оккупация, для бывших стран народной демократии и советских республик Прибалтики — ЕС. Однако Россия, слава богу, не была завоевана. Размеры страны и ее традиции восприятия суверенитета лишают ее возможности прислони́ться к такому внешнему стабилизатору. Какой из этого вывод? Можно считать, что в России отсутствует устойчивая тенденция к демократизации. С научной точки зрения этот вывод оспорить нельзя. Но также нельзя оспорить и позицию, согласно которой уникально трудные условия для решения проблемы требуют особенно настойчивых и изобретательных усилий по ее решению, но не свидетельствуют о том, что такое решение невозможно в принципе.

Если мы посмотрим на политическое развитие стран СНГ, то увидим, что, не будучи включенными в структуры ЕС, они все испытывают серьезные сложности с демократизацией. В большинстве случаев явно страдают плюрализм, институты и дееспособность государства¹. Интересно, однако, что Путин не пошел по пути

¹ Можно сказать, что где-то, например в Украине, институты страдают больше, чем плюрализм, а где-то, например в России, не говоря уже о государствах Средней Азии, наоборот. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что и плюрализм в Украине имеет весьма существенные

своих коллег по СНГ, которые, если имели такую возможность, неизменно шли на изменение Конституции, чтобы продлить срок (или количество сроков) своего пребывания у власти. Почему? Оптимист скажет, что Кремль, возможно, серьезнее относится к задачам демократизации, чем это может показаться на основании опыта последних лет. Пессимист же будет утверждать, что задача легитимации российской власти на международной арене представляется Путину настолько важной, что он не мог воспользоваться уже ставшим традиционным методом изменения Конституции для продления своих полномочий. В любом случае Россия с точки зрения развития политических процессов по ряду параметров стоит особняком среди бывших советских республик, и во многом это связано с наследием империи, со статусом бывшей имперской метрополии.

О двусторонних отношениях России с бывшими советскими республиками, об СНГ, о борьбе разных центров влияния на постсоветском пространстве написано очень много. Собственно, уже сам термин указывает на то, что постсоветское пространство со всем многообразием его измерений и характеристик является наследием империи. Но у этого пространства есть еще целый набор унаследованных от прошлого характеристик и проблем, которые позволяют условно назвать его «русским миром». Понятие «русского мира» уже стало объектом борьбы интерпретаций. Я употребляю это понятие не в смысле претензий на право «русской эксклюзивной собственности», без связи с идеями «либеральной империи» или утверждениями о какой-то неизбывной и неизменной цивилизационной особости этого пространства. Речь о другом. Здесь живут миллионы людей, считающих себя русскими, и еще миллионы тех, кто считает себя неразрывно связанным с русской

структурные изъяны, и государство, а тем более институты, в России весьма недоразвиты и хрупки, несмотря на кажущуюся мощь.

культурой. Здесь многие миллионы говорят по-русски, даже если не считают русский родным языком. Здесь даже антироссийски настроенные политические силы используют в своих пропагандистских материалах песни и образы из советского кино, потому что именно оно и является до сих пор главной частью общего для всех культурного контекста. Все эти факторы — часть наследия империй, и все они относятся к числу «переменных». Важно понять, что меняется и в каком направлении.

И. Зевелёв анализирует в своей статье политику России в отношении соотечественников на протяжении всех лет после распада СССР. Он анализирует противоречивые трактовки этого понятия, показывает, что, будучи во многом неэффективной, государственная политика, в отличие от риторики, которой пользовались многие наши общественные деятели, была весьма умеренной и сдержанной, отмечает, что за последние годы в политике в отношении соотечественников произошли существенные сдвиги в сторону прагматизма и большей эффективности¹.

Т. Атнашев рисует довольно неожиданную — для тех, кто следит за этой темой по алармистским газетным публикациям, — картину, описывая положение русского языка в постсоветских странах. Он показывает, что официальный статус русского языка вовсе не является главным показателем его роли в обществе той или иной соседней страны. К его рекомендациям относительно способов поддержки русского языка за рубежом, о необходимости для русских в бывших республиках осваивать государственные языки их новых стран стоит прислушаться тем, кто в последнее время начал, как хочется верить, осуществлять более систематическую и активную политику в этом отношении.

¹ Некоторые потенциальные угрозы для России, связанные с ситуацией русских за границей, обсуждаются также в моей статье о нации.

Н. Вишневская анализирует потоки миграции в Россию, что во многом тоже является проблемой «русского мира», потому что до последнего времени большая часть иммигрантов приезжала к нам из бывших союзных республик. Здесь можно выделить две составляющие. Во-первых, это переезд в Россию оставшихся за ее пределами русских, что отчасти напоминает ситуацию во Франции и Португалии после распада их империй. Поведение нашего государства и общества в этой сфере пока вызывает главным образом чувство стыда.

Вторая важная составляющая миграционных процессов — трудовая миграция нерусского населения в Россию. Советское наследие до сих пор остается весьма важным фактором, определяющим направление этой миграции, так же как миграции с периферии бывшей Британской или Французской империй в их европейские метрополии. В какой степени мы можем опереться на наследие империи в процессе аккультурации мигрантов, их адаптации в обществе, равно как и в процессах адаптации российского общества к культурно отличающимся (им)мигрантам? Как избежать хотя бы части тех проблем, с которыми столкнулись в этой сфере все крупные развитые страны Запада? И здесь у нас пока много больше оснований стыдиться, чем гордиться, и в плане социальной и правовой защиты трудовых мигрантов, и в плане повседневного отношения к ним на индивидуальном уровне.

Заключительный блок статей (Н. Петров, В. Тишков и А. Миллер) касается внутрироссийских проблем. Я здесь отступлю от принятой логики изложения и, прежде чем перейти к обсуждению статей раздела, коротко скажу о некоторых темах, которые мы в этом разделе не могли рассмотреть, хотя и понимали их важность. Так,

¹ Пишу это слово таким затейливым образом, потому что речь идет не только об иммигрантах из СНГ, но и о гражданах России, мигрантах с Северного Кавказа, — обе группы испытывают проблемы с адаптацией, равно как и общество испытывает проблемы с их абсорбцией.

специального анализа требуют унаследованные от СССР модели мышления в области военного строительства и стратегии обеспечения национальной безопасности. Советский Союз во многом надорвался именно потому, что пытался следовать той же логике, какой придерживаются до сих пор США, то есть стремился нейтрализовать все мыслимые военные угрозы. Даже для Соединенных Штатов это все в большей степени становится непосильным бременем, а для России было попросту нереалистично. До сих пор, со времени развала СССР, у нас действовал лишь один механизм ограничения военных расходов — банальное отсутствие средств. Теперь деньги в государственной казне завелись, а эффективного механизма контроля над их расходованием, как и механизма определения приоритетов в сфере безопасности, не создано. Это как раз один из тех случаев, когда привычки и стереотипы мышления, унаследованные от советской эпохи, могут сыграть с нами очень злую шутку.

За рамками нашего внимания остался огромный комплекс вопросов, связанных с ролью имперского наследия в экономической сфере. В экономике России происходят весьма противоречивые процессы. В какой степени тенденция к доминированию государства в важнейших отраслях объясняется соображениями эффективности, в том числе стремлением увеличить конкурентоспособность страны в условиях все возрастающей роли глобальных корпораций, а в какой является отголоском извечного инстинкта империй, главной задачей которых неизменно было не благополучие подданных, но мобилизация ресурсов для поддержания своей военной мощи? Было бы печально, если бы здесь возобладала именно имперская логика поведения.

Интересно было бы проанализировать интенсивное изменение географии систем транспорта и коммуникации, размещения производств и трудовых ресурсов, даже развития курортных зон. Мы видим, что новые порты и курорты, газо- и нефтепроводы как бы «при-

знают» реальность и стабильность новых границ России, стремясь избежать расходов и рисков, связанных с транзитом. Страна постепенно осваивает свою новую географию.

Круг интересных и важных для обсуждения тем можно было бы существенно расширить. Мы сосредоточились на комплексе проблем, связанных с ключевой, пожалуй, темой «переходного периода». В политологии 1990-х годов большой популярностью пользовалось слово «транзит», которое должно было обозначать переход от коммунизма в некое новое качество, которому многие тогда затруднялись дать определение. Так и с нашей ситуацией после распада СССР: означает ли это, что империя кончилась? если да, то в какое новое качество мы переходим? можно ли построить в России нацию-государство (*nation-state*)? а может, нация у нас уже есть? Эти вопросы и *разные* ответы на них так или иначе звучат в большинстве статей этой книги, поскольку именно они находятся в фокусе нашего внимания. По-разному отвечают на эти вопросы и авторы специально посвященных им статей раздела «От империи к нации?».

Н. Петров рассматривает комплекс проблем, объединенных понятием «регионалистика». В своем историческом экскурсе он предлагает своего рода инвентаризацию наследия империй в этой сфере и показывает, что если границы регионов в основном унаследованы от империи Романовых, то их наполнение — от СССР. Главное внимание в статье сосредоточено на стержневом (как в прошлом, так и сегодня) вопросе об отношениях центра и регионов. Петров показывает все многообразие этой проблемы — на уровне соотношения различных типов локальной, региональной и общенациональной идентичности, на уровне мобильности элит, соотношения практик их избрания и назначения из центра, на уровне представительства интересов регионов в центральных органах власти.

Мнение Н. Петрова о советском наследии этнофедерализма, порождающем серьезные проблемы и нуж-

дающемся в демонтаже, разделяют и другие авторы раздела. Между тем Н. Петров отмечает, что последняя перепись населения продемонстрировала резкий слом многолетних тенденций и переход к увеличению доли титульных этносов и их концентрации в соответствующих регионах. Эта тема также рассматривается в моей статье «Нация как рамка политической жизни». Мы с Н. Петровым сходимся во мнении, что любые действия в данной сфере должны быть крайне взвешенными и осторожными, сопровождаться соответствующей компенсацией и в национально-культурной, и в экономической сфере.

Возможны разные оценки решений последних лет — и как стремления демонтировать этнофедерализм через ослабление федеративного начала, и как демонтажа федерализма в целом. Уже в первый срок президентства Путина мы прошли ту стадию, когда реальной была угроза дальнейшего распада страны, но не остановились на этом, а существенно нарушили баланс в отношениях центра и регионов в пользу центральной власти. Н. Петров показывает, что та система отношений центра и регионов, которая сложилась за последние годы, является серьезным тормозом как для экономического развития страны, так и для ее демократизации и построения эффективной федерации. Удастся ли нам существенно ограничить амплитуду маятника, давно раскачивающегося в нашей истории от полюса всевластия центра к региональной вольнице и обратно? Н. Петров считает, что у России сегодня есть возможность построить сбалансированные федеративные отношения, без которых в стране таких размеров демократизация невозможна.

Две заключительные статьи посвящены проблеме формирования нации в современной России. Методологические позиции авторов в ряде пунктов весьма близки — оба трактуют национализм как дискурсивный феномен, оба считают непродуктивным нормативный подход к определению и пониманию нации-государства.

В то же время мы не скрываем своих разногласий и порой прямо полемизируем друг с другом. В. Тишков решительно отстаивает ту точку зрения, что нация у нас уже есть. Он считает, что проблема перехода от империи к нации-государству во многом надуманна или неверно сформулирована, поскольку нация была еще в романовской России XIX века. Советское наследие институционализации этничности и закрепление этого дискурса в мышлении элит играет крайне негативную роль в осмыслении современной ситуации и поисках эффективных решений.

Если Тишков считает, что Миллер в своих рассуждениях иногда не делает важного последнего шага, то я считаю, что Тишков иногда идет в своих рассуждениях на шаг дальше, чем следовало бы. Я исхожу из того, что в России нация-государство как идентификация граждан и система образов, а также как набор определенных практик, механизмов и институтов пока далеко не до конца сформирована. Анализ дебатов о нации в современной России показывает, что у нас нет устойчивого консенсуса практически по всем ключевым вопросам, в том числе о национальной территории и принципах членства в нации и даже о том, нужна ли нация в России (это не удивительно, учитывая масштаб перемен 1980—1990-х годов). В то же время я считаю, что достижение консенсуса по многим принципиальным вопросам возможно, а массовое сознание демонстрирует готовность принять разумные решения. Другая проблема — это качество наших дебатов о нации. Их участники часто настроены не на диалог с оппонентами, а на исключение последних из политического процесса как «предателей национальных интересов». Если нация — это дискурсивная формация, то мы еще не научились использовать наш дискурс о нации в конструктивных, так сказать «мирных», целях, задавать с помощью этого дискурса интегрирующую рамку политической жизни.

Между тем наличие такой рамки является важной предпосылкой демократизации, поскольку задает два

важных параметра политических процессов. Во-первых, осознание всех политических сил, уважающих закон, как *национальных* создает условия для «выживания» оппозиции и для конструктивного диалога властвующих и оппозиционных элит. Во-вторых, нация, как рамка политической жизни, предполагает механизмы представительства, а также механизмы взаимно обязывающих переговоров между гражданами и властью (последнее в современных условиях, когда манипулирование выборами превратилось в обыденную практику, особенно важно). Даже если считать, что нация уже есть (хотя мне представляется, что она пока лишь формируется), то очевидно, что наполнение этой дискурсивной формации соответствующими практиками и институтами в любом случае оставляет желать лучшего.

Гармонизация процесса нациостроительства, формирования эффективного государства и демократизации — сложная задача, оставшаяся России после распада империи. Специфика экономики, в которой налоги, собираемые с граждан, не составляют важной части бюджета; характер властвующих элит, у которых нет структурных мотивов для поддержки демократизации; отсутствие многих элементов традиции, институтов и внешнего контекста, важных для устойчивой тенденции к демократии, — все это не позволяет рассчитывать на быстрые успехи. Впрочем, Россия далеко не единственная страна, в которой процесс демократизации оказывается очень длительным, характеризуется откатами и срывами¹. В поздней Российской империи он оказался прерван мировой войной и революцией. Будем надеяться, что такие катаклизмы нас не постигнут и Россия сможет найти путь к демократии уже в качестве нацигосударства.

¹ См. об этом недавно изданную великолепную, на мой взгляд, книгу Ч. Тилли, в которой показан сложный, извилистый и на самом деле никогда не заканчивающийся полным успехом путь к демократии самых разных стран по всему миру (*Tilly Ch. Democracy. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007*).

НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ В ИДЕОЛОГИИ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ